

*В. А. Маслова,
г. Витебск, Белоруссия
V. A. Maslava,
Vitebsk, Belarus
mvavit@tut.by*

**«ВЕЛИЧАЙШИЙ ПОЭТ XX ВЕКА» О ПУШКИНЕ:
М. ЦВЕТАЕВА О ПОЭТЕ
«THE GREATEST POET OF THE TWENTIETH CENTURY»
ABOUT PUSHKIN: M. TSVETAeva ABOUT THE POET**

Аннотация: В статье дан взгляд М. Цветаевой, крупнейшего поэта XX века, на творчество и личность А. Пушкина. И Пушкин, и Цветаева — звезды первой величины в мировой, а не только в русской поэзии. Общим для обоих поэтов является то, что восприятие их творчества требует особого напряжения мысли, труда души и сердца, т. к. многие их произведения загадочны, для восприятия нужны знания почти всего контекста творчества, а часто и всей культуры. Читатель этой поэзии должен быть поднят на особую высоту.

Ключевые слова: поэтический анализ; познание мира; познание себя; диалог; мотивы.

Abstract: The article gives the view of M. Tsvetaeva, the greatest poet of the twentieth century, on the work and personality of A. Pushkin. Both Pushkin and Tsvetaeva are the first-magnitude stars in the world, and not only in Russian poetry. What both poets have in common is that the perception of their work requires a special strain of thought, work of the soul and heart, because many of their poems are mysterious, for their perception requires knowledge of almost the entire context of creativity, and often of the entire culture. The reader of their poetry should be elevated to a special height.

Keywords: poetic analysis; cognition of the world; cognition of oneself; dialogue; motives.

Начиная разговор об А. С. Пушкине, нельзя не сказать несколько слов о поэзии, которая есть специфическая форма познания мира и человека и одновременно одна из величайших тайн бытия. Э. По заметил: «Поэзия неотделима от неистребимого желания познавать».

Понимание и интерпретация поэзии лежит за пределами причинности, где-то в глубине слова, без учета этой глубины поэтический текст можно воспринимать лишь очень поверхностно.

Ф. Гарсия Лорка сказал, что поэзия — это «союз двух слов, о которых никто не подозревал, что они могут соединиться и что, соединившись, они будут выражать новую тайну всякий раз, как их произнесут» [3, с. 9]. Истинный анализ поэзии — это своеобразный сплав науки с искусством, требующий, кроме научного, еще и наличия художественного мышления, мышления образами.

«Лучшим поэтом XX века» назвал М. Цветаеву И. Бродский. Она была талантливой, яркой и независимой личностью. М. Цветаева оставила нам замечательные, наполненные теплотой и любовью заметки об А. С. Пушкине, а также воспоминания о своих современниках М. Волошине, А. Белом, К. Бальмонте, О. Мандельштаме. В своих литературных портретах она создает своеобразный диалог Душ. Все ее литературные портреты учитывают характер и внешность человека: марсианские глаза Кузьмина, ангельский силуэт Есенина, царскую величественность Ахматовой, надменность Мандельштама, античность Волошина, высокий рост Маяковского...

М. Цветаева не только романтик, но и философ, в ней нет импрессионизма, ничего размытого, неточного, только глубины собственной души, она сосредоточена на себе. По отношению к миру, слову она разделила поэтов на поэтов с историей и поэтов без истории (так называлась и ее статья). Одни поэты открывают себя через мир (поэты с историей) — Байрон, Шелли, Лермонтов, Ахматова, Мандельштам, Пастернак, Блок. Другим «не нужно ничего узнавать, усваивать, постигать — они уже все... знают отродясь» [4, с. 402]. Это поэты без истории — Гете, Пушкин.

А. С. Пушкин оказал на М. Цветаеву огромное влияние. Образы Пушкина, представленные ею в раннем (1913 г.) и более позднем периоде (1931 г.), различны.

В раннем творчестве — это *курчавый маг* : *Я вспоминаю курчавого мага // Этих лирических мест* (о Крыме). Ее воображение и словесная свобода, выражающаяся и в построении фразы, в сочетании слов, непривычны, неожиданны:

Эти слова: никогда и навеки,
За колесом — колею...
Смуглые руки и синие реки,
Ах, — Мариулу твою!

Она рисует образ мира, не подстраиваясь под его правила, а диктуя свои собственные. Вот как она встречает Поэта: *Вижу его на дороге и в гроте...// Смутную руку у лба...*

Лирическая героиня на равных вступает с Пушкиным в диалог: *Пушкин! — Ты знал бы по первому слову, // Кто у тебя на пути! // И просиял бы...*

Мы видим полное взаимопонимание с Поэтом: *Мы рассмеялись бы и побежали // За руку вниз по горе.* А позднее она скажет еще более емко и резко, осознавая свое место в русской поэзии: *Пушкинскую руку / Жму, а не лижу.*

Второе обращение к Пушкину состоялось у зрелой Цветаевой. Это цикл «Стихи к Пушкину», состоящий из семи стихотворений.

В этот период в своем творчестве она выдвигает беспощадные требования к жизни: *«На твой безумный мир / Ответ один — от-каз».* «Иов в юбке», — назвал ее И. Бродский [2, с. 31]. И Пушкина она видит пулеметом, способным сделать мир лучше: *Как из пушки — // Пушкиным — по соловьям // Слова, соколам полета! // Пушкин — в роли пулемета!*

Она против превращения его живой поэзии в окостеневшую: *Пушкин — в роли монумента? // Гостя каменного?* Она уверена, что это не удастся властям: *Черного не перекрасить // В белого — неисправим!* Пушкин своей поэзией способен победить и это зло: *Преодоление // Косности русской — // Пушкинский гений? // Пушкинский мускул...* С Пушкиным Бог, в понимании Цветаевой: *То — серафима // Сила — была: // Несокрушимый мускул — крыла.*

Цветаева — русская — с русским размахом и безудержностью страстей. Таков и Пушкин. В ее стихах Пушкин — бунтарь:

Ох, брадатые авгуры!
Задал, задал бы вам бал
Тот, кто царскую цензуру
Только с дурой рифмовал.

«Поэзия Цветаевой трагична не только по содержанию — для русской литературы ничего необычного тут нет, — она трагична на уровне языка, просодии. Голос, звучащий в цветаевских стихах, убеждает нас, что трагедия совершается в самом языке. Вы ее слышите» [2,

с. 88–89]. В следующем четверостишии она непредсказуемо изменяет акценты, ломает давно устоявшиеся стереотипы добра и зла (*благородное — как брань*), заставляет читателя задуматься, так ли это:

«Пушкин — тога, Пушкин — схема,
Пушкин — мера, Пушкин — грань...»
Пушкин, Пушкин, Пушкин — имя
Благородное — как брань.

Но Марина Цветаева верит, что поэзия — вечна, без нее не может существовать народ: А быть или нет

Стихам на Руси —
Потоки спроси,
Потомков спроси.

Р. Барт [1] в своих исследованиях установил такое явление, как **гул языка**. Это особая музыка слова, которая звучит еще до его рождения: *она еще не родилась, она и музыка и слово и потому всего живого ненарушаемая связь* (О. Мандельштам).

Были в их творчестве и общие мотивы, проблемы, которые решались сходным образом и которые до сих пор решаются неоднозначно. Например, отношение к бедности — богатству. К этому на протяжении разного времени подходили по-разному. Хуже всего — сейчас, когда богатство стало кумиром человека. Мы помним поговорку, но не принимаем ее продолжения: *Бедность не порок, но хуже порока* (В. И. Даль). Сходное понимание мы встречаем у А. С. Пушкина: *Наш век — торгош; в сей век железный // Без денег и свободы нет*. Есть у него и такая фраза: *Нищета — душа порока и преступлений*. Это можно интерпретировать так: деньги дают некоторую дополнительную степень свободы, чтобы их добыть, человек может впасть в порок: украсть, ограбить... Такое нарушение нравственных норм осуждается поэтом.

Близка к такому пониманию и М. И. Цветаева: бедный человек у нее не имеет ценностей, вещей:

Вещи бедных — странная пара
Слов. Сей брак — взрывом грозит!
Вещь и бедность — явная ссора.
И не то спарит язык! («Поэма лестницы»)

Еще один общий мотив — отношение к случаю, случайности вообще. Одно из значений лексемы случай, согласно толковому словарю русского языка, — это непонятная закономерность, уникальность. Тогда выходит, что случай колеблется на грани небывалого и все же способного произойти, вероятного.

У Пушкина сама жизнь — случайна:
Дар напрасный, дар случайный.
Жизнь, зачем ты мне дана?

Случай позволяет А. Пушкину увидеть будущее — «Капитанская дочка», «Пиковая дама».

М. Цветаева случай рассматривает иначе:

Случай?
Дури собственной столб.

Для Цветаевой случайность сопряжена со смыслом:

Целая радуга — в каждом случайном звуке...

Последствия случайности — тайна: так в ее стихотворении «Расщелина» читаем:

Чем окончился этот случай,
Не узнать ни любви, ни дружбе.
С каждым днем отвечаешь глуше,
С каждым днем пропадаешь глубже.

Есть еще темы и мотивы, которые встречаются у названных поэтов, но реализуются по-разному, активизируя разные смыслы, порой диаметрально противоположные. Например, мотив тоски, который первым в русской поэзии раскрыл А. С. Пушкин:

Что-то слышится родное
В долгих песнях ямщика:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска... (Зимняя дорога, 1826).

Тоска у А. Пушкина беспричинна: *Я молод, жизнь во мне крепка, / Чего мне ждать? Тоска, тоска!*

У М. Цветаевой тоска — двойник лирической героини, она ведет себя как живое существо — *давит, рвет сердце, посверливает его*, но *она и поет, цветет*. Кроме того, у нее тоска по чуду:

Все твое: тоска по чуду
Вся тоска апрельских дней.

Но есть много совпадений. Так В. Ходасевич писал, что в своих поэмах «Молодец» и «Царь-Девница» М. Цветаева впервые после Пушкина уловила настоящий склад русской сказки. Общим в их поэзии является также то, что восприятие их творчества требует особого труда не только мысли, но души и сердца, т. к. многие произведения загадочны, для их восприятия нужны знания почти всего контекста творчества, а часто и всей культуры.

Вывод. В творчестве сравниваемых в статье поэтов встречаются сходные темы, мотивы, проблемы и образы, но их разрешение может быть разным и самым неожиданным. Так одна из важных тем у М. Цветаевой — творчество великого А. С. Пушкина.

И Пушкин, и Цветаева — звезды первой величины в мировой, а не только в русской поэзии. А к звездам нельзя относиться как к источнику света или тепла. Их задача — зародить тревогу в нашей душе и такие мысли, которые без их позиции были бы для нас непостижимы. И с этим они успешно справляются — Пушкин на протяжении нескольких веков, а Цветаева — века. Они строят мир, недоступный для понимания обычным человеческим разумом. Читатель здесь должен быть поднят на их высоту. Подобное влияние на душу читателя может осуществляться лишь благодаря исключительному поэтическому дару, владению всеми возможностями и резервами языка. Этим оба поэта интересны не только литературоведу, но и лингвисту.

Литература

1. *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика: Поэтика. — М., 1989.
2. *Бродский И.* Поэзия и проза // Бродский о Цветаевой. Интервью, эссе. — М., 1998.
3. *Лорка Ф. Г.* Лирика. — М., 1966.
4. *Цветаева М.* Собрание сочинений : В 7 т. Т. 5. — М., 1996.

